

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ НАУЧНОГО ЭТОСА

М.Д. Черкашин¹⁾,

¹⁾Курский государственный технический университет, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94,
e-mail: cherkashin2008@yandex.ru

В статье рассматриваются этические проблемы классической и неклассической науки в их связи с институциональными и антропологическими основаниями научного знания.

Ключевые слова: научный этос, классическая и неклассическая наука, философская антропология, социокультурная детерминация.

В настоящее время бурно развивающегося научно-технического прогресса, новых технологий, когда многочисленные научные исследования сконцентрированы на практических интересах и эффективности, затянута в орбиты рыночных отношений, исследование этоса науки и фигуры ученого – реального ее творца, становится задачей первостепенной значимости. На переднем плане научной индустрии находятся открытия, судьба которых не может быть безразлична человечеству. Клонирование, многообразные виды психотропных воздействий, всеобщая технологизация становятся реальностью, изменяющей мир, взаимоотношения между людьми, будущее самого человечества. Представляется чрезвычайно актуальным и значимым включение в общую магистраль науки сдерживающих механизмов этических норм, правил и императивов. Этическая рефлексия над наукой должна быть осмыслена как необходимая оставляющая самого научного поиска и научного исследования. Императивом для ученого должна быть оценка этических последствий его работы.

С понятием «этос» связана древнейшая историко-философская традиция его истолкования, при которой этос проецируется на человека и обозначает все то, что связано с особенностями его поведения. С греческого «ethos» переводится как нрав, обычай, образ мысли, характер. Однако в древнегреческой натурфилософии можно встретить размышления об «этосе первоэлементов», то есть о соотношении и сочетании первейших атрибутов мироздания [1]. Эмпедокл был особенно настойчив в рассмотрении «этоса первоэлементов». Вместе с тем, этос первоэлементов указывает на бытийное (онтологическое) наполнение данной категории. Примечательно, что уже в античности присутствует как онтологическая, так и антропологическая интерпретация этоса. Последняя вылилась в этику во всем многообразии ее истолкований, вплоть до современного понимания. Онтологическое, бытийное наполнение понятия «этос» как гармоничной взаимосвязи атрибутивных качеств первоэлементов, легло в основу «запретного принципа в науке», а также связи научных целей и задач с физическими константами мироздания, основными фундаментальными взаимодействиями бытия.

«Запретный принцип» в науке обозначал меру допуска, меру свободы и возможностей научных изысканий с учетом фундаментальных физических констант, проявляющихся постоянно и инвариантно в условиях нашего земного существования. Можно также усмотреть некоторое сходство между онтологической интерпретацией этоса (как гармоничной взаимосвязи атрибутивных качеств первоэлементов) с современным синергическим мировидением, обосновывающим правомерность и потенциал именно гармоничных, когерентных, отвечающих «природе вещей» синергических изменений. Современные воззрения подтверждают интуиции древних авторов. Популярное ныне понятие аттрактора, обсуждаемое в современной постбергсоновской философии хаоса (И. Пригожин, И. Стенгерс, Р. Том), сравнимо с

этосом. Оно представляет собой такое состояние системы, которое при всем видимом разбросе хаотических элементов сохраняет тенденцию возврата к исходному равновесию. Следовательно, аттрактор выполняет «роль ритмической кривой, которая скрыто удерживает все «свободные» элементы системы в этой неустойчивой тенденции к первоначальному состоянию равновесия» [2].

Этос науки связывает две достаточно обособленные сферы, с одной стороны объективную и безличную закономерность, открываемую наукой, с другой – мир оценок и ценностей, предписывающих человеку императивы его поведения в системе добро – зло. Научный этос – это область пересечения свободного научного поиска с ответственностью за последствия открытий и их применения. В этом контексте этос науки предполагает императивность, долженствование и расширяет свои полномочия от сферы рефлексии в сферу «практической философии», то есть практического действия. Он связан с запретом, нормой и воспринимается как вид, а точнее основа консенсуса, соглашения. К внутренней проекции, то есть своеобразному микроконтексту этоса науки можно отнести не только сами цели, задачи, программы исследования, но и способы коммуникации между учеными, атмосферу научно-исследовательской работы. Внешней проекцией этоса науки является просчет проблемного ряда объективных последствий, негативы технологического применения научных открытий, их давление на природу, окружающую среду, их отдаленные экологические следствия. Можно согласиться с выводами исследователей заключающих, что «во-первых, нравственность проникает всюду, где встречаются два субъекта и где речь идет об их нуждах и угрозах для них. А во-вторых, наука не существует в неких чисто духовных сферах, она не витает над миром, она – дело вполне человеческое и касается огромного множества человеческих интересов» [3].

В ситуации принципиального плюрализма возможно столкновение программ, аргументирующих их обоснований, экспертных оценок и приоритетов. Вместе с тем, даже с точки зрения здравого смысла, очевидно, что осуществление разнонаправленных программ, чреватых негативами для человеческой жизнедеятельности, их внеоценочная рядоположенность, недопустимы. В современной картине мира, которую часто именуют как постнеклассическая, обозначена альтернативная, многовариантная стратегия развития. Этос науки, ориентированный на выживание человечества, благоприятные возможности его ближайшего и отдаленного будущего, вступает в противоречие с теми научными стандартами, в которых предполагается отказ от базовой системы ценностей, интересубъективных, межчеловеческих регулятивов, общих правил, общезначимых норм. В проекте современной эпистемологии Р. Рорти речь идет даже об отсутствии субъекта, то есть о бессубъектной эпистемологии. Вместе с тем, в современной ситуации чрезвычайно важно обдуманно направлять мощь научно-технического прогресса в сторону, предполагающую максимально коэволюционное (согласованное) развитие природы и человека, цивилизации и природы, человеческой телесности и допустимых для нее информационных нагрузок.

Сфера современного этоса достаточно расширена и можно сказать модернизирована. В ней речь идет не о подавлении при помощи запрета и закона, а, используя слова М. Фуко, «об образовании себя через разного рода техники жизни».

Традиционно считается, что именно Р. Мертон применил понятие этоса к социологии науки и обозначил этим понятием набор согласованных норм, некий социальный код, эмоционально воспринимаемый комплекс институционально одобренных и защищаемых правил, предписаний, суждений, довлеющих над «научным братством» [4]. Однако важно подчеркнуть не только социологическое, но и общефилософское значение понятия «этос науки». Этос науки предполагает соединение научного разума и интеллекта с гуманистическими ценностями, установками и ориентирами. Расширение пределов доверия ко всем без исключения

научным изысканиям основывалось в том числе и на эксплуатации мифа о великой спасительной миссии науки. Восприятие науки как наибольшей ценности человеческой цивилизации затушевывало тот проблемный ряд, который порождался самим развитием науки, скрывало ситуацию, когда источником обострения кризисных процессов выступала именно наука. Сфера этоса науки стягивает в один узел многообразные кризисные проблемы техногенной цивилизации, экологии, здравоохранения, демографии, военной промышленности. С особым напряжением они звучат в полемике сциентистов и антисциентистов.

Для того, чтобы более рельефно очертить сферу научного этоса, противопоставим его системе, так называемых, неморальных регулятивов. К ним относят все то, что «не опосредовано нравственным сознанием» [5]. В число неморальных побуждений как раз и включены сугубо материальные интересы, предполагающие материальную выгоду и получение прибыли любой ценой. Иногда неморальное качество приобретают способы удовлетворения потребностей и, в частности, чисто физиологических в ситуации крайней жизненной необходимости. Карьерное поведение зачастую оказывается, если не аморальным, то неморальным. Многочисленные способы коммуникации с субъектами, которые оцениваются только с точки зрения полезности, получения личной выгоды также отличаются своей неморальностью.

Еще у Ницше можно найти вопрос: «В какой мере вся наука и философия были до сих пор под властью моральных суждений?» [6]. Вряд ли можно назвать сферу человеческой деятельности, где не применяются достижения науки. И вместе с тем моральная составляющая в детерминации развития науки достаточно слаба. Вопрос о том, могут ли сами ученые играть главную роль в решениях относительно применения тех открытий и технологий, которые они предлагают, или иначе вопрос о мере моральности науки? – достаточно сложен и вряд ли может иметь однозначный ответ. В нем присутствуют по крайней мере три аспекта. Первый аспект предполагает анализ потенциала и сущности открытий и новейших технологий. Этот аспект связан с проблемой внедрения, реализации технологии. Второй – указывает на позицию самого ученого. Третий аспект описывает подходы к проблеме социальных институтов, социальных допусков и запретов.

Если анализировать первый аспект, то технологии являются комплексными процессами, имеющими системный характер. Многие люди вовлечены в процесс реализации технологической системы. Поэтому необходимо сформулировать следующие основополагающие нормативные замечания. Они должны звучать как императивы универсальной пользы:

- продукт, получающийся от реализации технологической системы, должен быть возможен;
- новые альтернативы и возможные направления деятельности, получающиеся в результате применения технологического продукта должны быть возможны;
- материальные, психологические, социальные и культурные условия, требуемые для успешной реализации технологической системы, должны быть желаемы и возможны.

Поставленный вопрос: «Могут ли ученые играть специальную роль в решениях относительно применения технологий, которые они развивают?» – не может иметь положительный ответ без экспертизы данной, конкретной технологии. Биотехнологии, генетика и, в особенности, клонирование не может применяться в процессе производства без угрозы для человеческой жизни. Решения в этих сферах должны опираться на гуманистические установки и принципы, суть которых в ориентации науки на выживание и непрекращающееся развитие всего человечества. В них должна содержаться ориентация на будущее, без чего выживание человечества невозможно.

Второе. Говоря о специальной роли ученого необходимо помнить, что ученый предлагает свою теорию с достаточной уверенностью в ее истинности. Как правило, ученые не акцентируют уязвимые и негативные аспекты теории или технологии, которую они развивают. Поэтому решения относительно применения технологии не может зависеть только от мнения ученого, эту технологию развивающего. Кто-то должен проверить результаты этих разработок. Иными словами каждая технология должна быть отдана на суд компетентным экспертам, выступающим от имени науки как социального института.

Третье. Все многообразие социальных институтов, а также научная периодика, конференции, симпозиумы, конгрессы должны обеспечивать объективность критики и научных результатов. Социальные институты и эксперты, стремящиеся к истине, призваны обращать общественное внимание, как на объективную гуманную ценность новых технологий, так и на негативные аспекты их применения. Известный философ науки К. Поппер был уверен, что научный и технологический прогресс в значительной степени зависит от функционирования этих институтов. Существует еще и позиция, связанная с национальным интересом, которая иногда выдвигается как приоритетная. Она также задает «стандарты благоразумия» и очень влияет на сферу этоса науки. Именно здесь возникает то соперничество, которое может делать второстепенными этические приоритеты, отодвинуть их на периферию. Усилить потенциал «нечувствительности» и слепоты по отношению к сфере морального. Слепые пятна, отсутствие этического фокуса при развитии современных технологических разработок может привести к последствиям, в которых значение этических регулятивов будет принципиально обесценено и бессильно. Таким образом, вопрос о мере этичности науки, связан не только с личной ответственностью ученого, но и с целым комплексом общественных взаимодействий, имеющих средоточие в сфере социальной институционализации.

В современных условиях этос науки целесообразно анализировать с учетом его **системных и индивидуальных параметров**. В первом речь идет об институциональных нормах, оценках или тенденциях, которым подвергается научное сообщество в целом и которые модифицируют его функции и направление деятельности. Во втором (индивидуальном) срезе речь идет о типичных личностных позициях, атмосфере научно-исследовательской деятельности, допустимых и недопустимых (компиляция, плагиат) приемах научного поиска, изменениях в личностном портрете и мотивации ученого/ученых, которые оказывают воздействие на его типические поведенческие реакции.

Первые (системные) предполагают ряд достаточно четких оснований, среди которых на первом месте институциональное основание. В процессе трансформации научного этоса по данному основанию решающими оказываются такие факторы, как социальный ранг и исторический престиж того или иного научного направления и отрасли, его удельный вес в совокупном интеллектуальном потенциале научной индустрии, а также корпоративный характер управленческого слоя и имеющиеся традиции. Представители доминирующего научного сообщества или лидирующей научной школы воспринимаются как продолжатели восходящего движения, заметно продвигаются по иерархической социальной лестнице предпочтений и рангов. Существовала и существует устойчивая установка, когда достижения школы в прошлом воспринимались как гарантия верного направления научных исследований в будущем и наделялись высоким статусом. Они выступали и как гарантия его безупречной этичности и гуманности.

Другим основанием выступает социально-психологическое основание доминирования сложившихся школ и маститых ученых над начинающими, когда конечная экспертная оценка, признание и рекомендации зависят от включения их в принятые слои научного сообщества. Это основание нацеливает на выявление

механизмов наследования и удержания социального статуса. На поверхности оказывается, что сама принадлежность к сообществу или научной школе с высоким социальным статусом автоматически обеспечивает оценки высокого ранга, принадлежность же к скромной научной среде дает не громкое, а лишь скромное общественное положение.

Особенности отечественной специфики проявляются в том, что зависимость социальных субъектов скрепляется не формально-объективными и отчужденно-ролевыми отношениями, а во многом межперсональными, эмоционально и личностно окрашенными контактами. «Такая непосредственная вплетенность родовых, дружеских, содельческих, эквивалентных, трасовых связей в механизм общественного функционирования и структурирования придает нашему обществу совершенно неподражаемый стиль социального развития, – отмечают исследователи, – во всех процессах структурирования российского общества присутствует корпоративный дух, иррациональный и консервативный по западноевропейским меркам, что личные отношения оказывают сильное деформирующее воздействие..., что своячество и доверие являются сильным структуроформирующим основанием современного социального расслоения» [7]. К особо эффективным управляющим воздействиям относятся макрокоманды, распространяемые на всех, охваченных данной сеткой зависимостей членов. Кроме того, данная система противится режиму включения в нее новых типажей и новых членов. Ее расширение за счет талантливых самородков носит «достигательный характер», связано с тем, что тот или иной индивид «делает себя сам», примеряет новое социальное лицо, что во многом зависит от его личностных умений. Стремление изменить или усовершенствовать свои социальные параметры предполагает перемену общественного положения. Здесь срабатывает механизм самопричисления, но он не всегда оказывается приемлемым.

Следует выделить также, характерное для России основание социальной инициативы, идущей извне. Имеется в виду многообразие социальных заказов вне учета конкретных индивидуальных способностей и возможностей исполнителей. Лидирующее научное сообщество как бы автоматически включается в последующие приоритетные разработки, встраивается в освоение данной проблемы, функционирует в контексте новых ролевых обязанностей. Его возможности и статус редуцируются на сопредельные сферы, что может и не соответствовать реальности.

Безусловно, на особенности функционирования научного этоса оказывает воздействие процесс вестернизации, когда западные образцы поведения предлагают новую тональность системных качеств научного сообщества, модифицируют его целостный облик. Стиль общения, языковые заимствования, символика и знаковые стереотипы, комплиментарные поведенческие реакции, принятие эталонов и образцов западной жизни с замесом на российском менталитете и при отсутствии западного уровня жизни, порождает некий неузнаваемый эклектический тип современного ученого. Наибольшей ассимиляции к чуждым ориентациям подвержена относительно молодая прослойка ученых, а также «итээровская» прослойка.

Стоит поднять вопрос, является ли эталонной для России платформа вестернизации, предполагающая не только мощные темпы научно технического прогресса, но и этические кодексы? Именно в сфере этических приоритетов исконный интеллигентский призыв «быть россиянами», «быть гражданственными» «любить свою страну, свой народ, свою культуру» всегда враждовал с тенденцией вестернизации общественного сознания. В общем смысле вестернизация связана с индустрией промывки мозгов и суггестивного влияния через рекламу, массовую культуру и политическую пропаганду.

В этом случае весьма убедительно негодование Э. Фромма: «Эти методы побуждают нас покупать вещи, которые нам совсем не нужны и которые мы не хотим приобретать; вынуждают нас избирать тех политических деятелей, которых мы никогда

не избрали бы, если бы полностью контролировали себя», – пишет он. (Добавим, принимать проекты, которые не являются пригодными для наших условий.) По мнению Э. Фромма, эти гипнотические методы представляют «серьезную угрозу психическому здоровью, особенно ясному и критическому мышлению и эмоциональной независимости» [8]. Тиражирование стереотипов способов, приемов и методов решения проблем, стереотипов стиля и привычек, поточно-конвейерные способы индустрии и технологии опасны. Они лишают «почвенности», т.е. возможности осмысления применительно к данным условиям перспектив сделанных разработок, приучают к пассивному, беспроблемному, не сопряженному с нравственной рефлексией, восприятию заказа и сопровождающей его информации. В конечном счете, они могут привести к установлению режима манипулируемости, безусловной подверженности заказам, той или иной программной установки. Вестернизация ведет к утрате «самосознающей функции» научного сообщества, к его освобождению от «гнета» рефлексивности, анализа и осознания всего объема позитивных и негативных последствий научно-технической деятельности.

Унифицирующие тенденции вестернизации встречают оппозицию со стороны самостоятельных ученых, представителей гуманитарной культуры и философов. Их критика иногда достигает высшей формы презрения к массовой культуре. Вместе с тем, следует признать факт, что современные системные трансформации деятельности научных сообществ подчиняются ориентации на специфичность индустриального технологического общества. Было бы нелепо отказывать индустриальным державам в совершенно очевидных достижениях в интенсивном стиле хозяйствования, в сфере парламентаризма, прав человека. Однако, особенностью индустриализованного общества является то, что закономерности действия данного механизма находятся вне компетенции человеческой воли и этики. Независимо от того, какую социальную позицию и какое место в социальной иерархии занимают люди, они оказываются всего лишь инструментами, вовлеченными в осуществление и функционирование индустриального процесса. И это отмечается аналитиками: «Машина становится столь могущественной, что ни один администратор, вплоть до президента США, не может свернуть ее с ее пути» [9].

Поэтому правомерно выделить еще одно основание трансформаций установок научного сообщества, которое имеет индустриально модернизационное содержание. Оно свидетельствует о безусловном принятии изменений стандартов, передовых технологий, достижений и образа действия представителей техногенной цивилизации. Так ориентированный современный ученый стремится к эталонному образу жизни, обеспеченности и благополучию, к адекватной своему интеллекту рыночной стоимости. Он освоил или пытается освоить модели рыночного поведения. Вместо «великого служения истине» естественным для него становится стремление к, так называемому, «буржуазному» образу жизни. Изменения в системе нравственных ориентиров ученого «в обществе потребления» происходят с утратой личностной автономии и независимости, с предельной релевантностью оценок и мнений, и, в конечном счете, могут привести к утрате объективности и суверенитета истины. Такой тип ученого готов беспринципно продавать свой труд, обменивая интеллект, ум и систему нравственных приоритетов на желаемый уровень благосостояния. В этой связи следует согласиться с выводами западных исследователей о превращении всех установок «в конечном счете, в ситуацию бизнеса, денег, власти» [10]. Ученый мир сегодня заметно коммерциализирован, вовлечен в динамику общества потребления и его приоритеты.

Проблемы научного этоса усугубляет принципиальное отсутствие у ученых стремления «вхождения во власть», устранения от исполнения функций лица, принимающего общегосударственные решения. Характерное для ученого мужа чувство заниженного реального и активного властолюбия объясняется тем, что, во-первых,

крупный ученый изначально не любит властные структуры и тяготеет к оппозиционности. Во-вторых, он не выдерживает гнет властных, бюрократических полномочий, которые тяготят его и отвлекают от науки. Мир ученого – это мир идей, проблем, экспериментов, дискуссий и острой полемики. Это мир теоретических конструкций, возведенных «на кончике пера», мир лабораторных экспериментов, мир обсуждений с понимающими коллегами-специалистами, а не мир реальных хозяйственных преобразований. Ученый-методолог может проанализировать и модифицировать спектр социальных детерминант и приоритетов, выдать рекомендации, но он не способен переструктурировать саму социальную реальность. Его роль и влияние обозначено достаточно четко в рамках локальных ниш и сфер.

Вместе с тем, к представителям умственного труда еще в 70-е годы по подсчетам социологов было отнесено 20% населения развитых стран. Это достаточно весомые показатели, причем на сегодняшний день темпы продолжают развиваться, обгоняя все прочие социальные прослойки. Наряду с естественно научной и гуманитарной интеллигенцией на первое место уверенно претендует научная и техническая интеллигенция, что обусловлено особенностями современной индустриальной эпохи. Другой крупной группой является административно-управленческие работники. Новыми активными действующими лицами, способствующими проведению этической рефлексии над наукой и оглашению ее результатов в структуре интеллигентской прослойки предстают активисты многочисленных партий и деятели телерадиовещания и рекламы.

Современные отечественные исследователи с горечью отмечают, что «высшее образование перестает быть своего рода капиталом, приносящем проценты в виде буржуазного уровня жизни и высокого социального престижа. Университетский диплом обеспечивает всего лишь более выгодные условия продажи высокопрофессиональной рабочей силы, но отнюдь не статус «лица свободной профессии». Пополнение армии наемных работников большим числом лиц умственного труда в условиях научно-технической революции и государственно-монополистического капитализма – процесс, протекающий для интеллигенции болезненно и напряженно» [11]. Данное состояние ведет к принижению статуса научного работника. В его деятельности, установках и ментальности появляется все более выраженная подчиненность социальному заказу, имеющимся иерархиям, заданным программам, а также уменьшение креативности и собственно творческой, поисковой компоненты в процессе научной деятельности. Личностная самоотдача и индивидуальные стремления проявляются в большинстве случаев с ориентацией на карьеру, престиж, высокооплачиваемый статус.

В связи с этим особого внимания заслуживает проблема зависимости современного ученого. Институционализация науки не оставляет места для личной инициативы, она предполагает встроенное, функциональное использование труда ученого. В этой связи, заметно ощутимы подвижки в мотивационной сфере. Мотивация приобретает четко выраженную экономическую форму. Она определяется доходом. Ученый уже не стесняется ни спросить о цене, ни назвать ее. Здесь проявляются процессы трансформации интеллигенции «третьего мира», тех, кто стоит на последней ступеньке экономического уровня благосостояния. Широко распространенная пролетаризация представителей ученого мира вызывает беспокойство не столько необходимостью работы по найму, сколько принципиально экономически необеспеченным существованием, препятствующим ее воспроизводству. Для населения России в целом характерен один и тот же тип имущественного расслоения: более двух третей – бедных, маленькая группа богатых и небольшая прослойка граждан со средними доходами [12].

В период социально-экономических преобразований в России были порождены многообразные негативные тенденции. Общество, переживающее глубокий

экономический и финансовый кризис, перестает нуждаться в профессионалах высокого класса. Начало рыночных преобразований вытолкнуло массу специалистов высшей квалификации из соответствующей им страты, лишило их по формальным признакам занимаемого ими статуса. Типичный представитель класса научных работников, не имея средств к существованию, став фактически безработным, оказался перед необходимостью выбора новой жизненной стратегии. Установление абсурдных и совершенно иррациональных сумм заработной платы, не имеющих никаких соответствий с реальным прожиточным минимумом, неизбежно привело к горизонтальному и вертикальному разрушению научных и профессиональных сообществ. Пессимистический прогноз о резком ослаблении значения работников умственного труда и ученых в социальной жизни России стал общим местом в публицистике последних лет [13].

Однако невостребованность прошлого опыта высококвалифицированных специалистов обуславливает принципиальную неподготовленность кадрового состава любой сферы высокопрофессионального труда. Низкий уровень ожиданий влечет за собой снижение планки уровня образования и качества знаний. Весьма ущербные отрицательные оценки настоящего положения переносятся на будущее, образуется вакуум вынужденной адаптации к имеющимся условиям, он препятствует рождению инициативы, активности, эвристического поиска. Возникает ярко выраженная позиция невмешательства, отстраненности, нейтральности и неучастия. Это связано с ощущением бесперспективности санкционированных программ, а также с припоминанием своего исторического предназначения – быть уникальной мерой эталонной нравственности, порядочности, объективности. В связи с этим самостоятельной проблемой в контексте тематики научного этоса оказывается прогноз уровня инертности научного сообщества и отсутствие его социальных групповых целей. Такое состояние чревато ослаблением внутренних механизмов интеграции и консолидации, возникновением контактов с очень слабо установленной связью, лишенной устойчивых отношений между членами.

Основной отличительной чертой становится частичный обмен информацией. Диспут, дискуссия, столкновение различных мнений, борьба за истину, в силу ее невостребованности и бесполезности перестают быть сферой приложения энергии. На фоне безразличия и инертности возникает ситуация размывания ученой прослойки, ситуация тотального плюрализма, в которой, по определению Фейерабенда, «допустимо все»: степени и звания присуждаются всем тем, кто в этом заинтересован по функциональным и прагматическим соображениям. В круг научных работников с учетом всех корпоративных правил вписываются лица, не имеющие вовсе или имеющие лишь косвенное отношение науке. Очевидной становится ситуация востребованности имиджа остепененности и произвольное расширение сферы мнимых ученых и кандидатов наук, то есть присвоения ученой степени лицам при игнорировании их реального несоответствия. Это одно из проявлений форм индустрии научных статусов, степеней, званий. Строго говоря, актуальным становится умение различать во множестве сертифицированных научных работников подмножество подлинных и подмножество неподлинных представителей ученого мира. Последние, как правило, используют полученные звания и статус для эффективного осуществления управленческой, административной, хозяйственно-организационной и пр. видов деятельности. Причем первое подмножество, породившее второе, выбирает по большей части вариант вынужденного существования. Оно постоянно в ожидании благ, защиты, выгодного контракта, повышения или хотя бы своевременной оплаты труда бюджетной сферы, однако сохраняет веру в признание значимости науки.

В этих условиях обостряется процесс трансформации ученого классического типа, что нашло свое отражение в понятии «амбивалентность ученого». Известный западный философ науки Т. Кун определял науку как род деятельности,

осуществляемый конкретными людьми – учеными, как то, что делают ученые. Вместе с тем и сама конкретная персона ученого и тот род деятельности, который ей свойственен, не являются свободными от противоречий и заблуждений. Как справедливо отмечает Л.А. Микешина, «традиционная теория познания развивалась, критически осмысливая познающего эмпирического субъекта, чей процесс познания надлежало подвергнуть методу сомнения (по Декарту), и чье мышление необходимо было очистить от «идолов» (по Бэкону), различных «химер», порождаемых неправильным употреблением названий или противоречащими друг другу идеями (по Локку)» [14].

В портрете современного ученого рубежа XX–XXI вв. неизменно присутствуют черты индивидуальной трансформации данного типа. В нем можно найти особенности, разительно отличающие его от ученого классического образца и академического типа, ориентированного на античный тезис: «Платон мне друг, а истина дороже», неустрашимого горгоновым ликом истины, помещающим себя «в башню из слоновой кости» и не жалеющим свою жизнь во имя служения истине. На вопросы, поставленные Л.А. Микешиной: «Возможна ли радикальная модернизация рационалистической модели интеллекта?», «Как совместить эту модель и «человеческое в его непосредственности таким, каким мы его видим»? [15], мы получаем положительные ответы.

Еще в 1965 году увидела свет работа Р. Мертона «Амбивалентность ученого», само название которой фиксировало противоположность норм, требований и ориентаций ученых в их деятельности. Столкновение норм обнаруживалось практически на каждом этапе научного исследования. Например, ученому необходимо как можно скорее сделать свои результаты доступными для коллег, но он обязан тщательно проверить свои результаты перед их публикацией, чтобы в них не проскользнула ошибка. Далее, ученый должен быть восприимчивым к новым идеям и веяниям, но он призван отстаивать свои научные принципы и не поддаваться интеллектуальной моде. От ученого требуется знать все относящиеся к области его интересов работы предшественников и современников. Вместе с тем, он должен сохранять самостоятельность мышления. Ученому необходимо стремиться вписать добытые им результаты в сокровищницу науки, однако с самого начала он должен быть скептически настроенным ко всем добытым в рамках предшествующей парадигмы знаниям. Следовательно, как отмечается в исследованиях, амбивалентность ценностно-нормативной структуры науки всегда ставит ученого перед дилеммой. С одной стороны, жить и работать на благо человечества, с другой, – в условиях, когда результаты его исследований смертоносны и разрушительны, не взваливать на себя бремя ответственности за последствия их использования [16].

В идеальной модели ученого именно **компетентность** занимает огромное место. Она связана с профессиональным осознанием глубинной структуры своей дисциплинарной области, спектра проблем и способов их разрешения, круга специализированной литературы, владением специальной терминологией и логикой своей профессии. Компетентное мышление формирует позиции и стратегию решения поставленных задач и перспективного удовлетворения возникающих запросов. Компетентность часто мыслится как критерий в оценке деятельности руководителя. Она может быть разложена на закрепленные за руководителем системообразующие, аналитико-конструктивные, деятельностно-регулятивные и оценочно-корректировочные функции. Субъект, осознающий свою компетентность, может действовать в соответствии с требованиями и регламентациями, противодействовать им, а также блокировать или игнорировать их.

На установки ученых оказывает значительное влияние углубляющаяся специализация и дифференциация наук. Она создает новые лакуны и ниши, в которых проявляется принципиальная амбивалентность ученых. С одной стороны,

профессионалы осуществляют строгий контроль в своей сфере и ограничивают поле принятия решений сферой своей компетенции, они же допускают в нее непрофессионалов, опровергают иные решения как некомпетентные. С другой стороны, они сами понимают, что возможность оригинальных решений по исследуемым проблемам, зачастую выходит за рамки их профессиональной компетенции, находится на стыке наук, либо вообще относится к сфере неординарных, так называемых, «сумасшедших идей».

Дж. Холтон, опираясь на высказывания А. Эйнштейна, выявляет следующие мотивы, движущие учеными: «Ученый, мыслитель или художник для того, чтобы скрыться от хаоса мира, образованного опытом, создает «упрощенный ясный образ мира», помещая в него «центр тяжести своей эмоциональной жизни» [17]. Ученый убеждает себя в том, что объект исследования представляет собой нечто целое, самодостаточное. В частном, единичном эксперименте ему видится огромная перспектива. Взаимосвязи объекта, оборванные жесткими рамками эксперимента, оцениваются как второстепенные, не влияющие на полученные результаты. Вместе с тем, именно такого рода абстрагирование, достаточно распространенное в деятельности ученых, порождает ряд проблем, от которых могут проистекать сугубо негативные последствия, вызванные вмешательством в ход естественных, природных процессов.

Выводы Н. Гильберта и М. Маклея говорят об определенной степени вариабельности суждений ученых, о том, что эта характеристика – их неотъемлемое свойство, а не следствие методологических неувязок. Ученые весьма различно оценивают поведение своих коллег, иногда они отказываются понимать очевидный смысл употребляемых терминов и теорий, крайне непостоянны в своих предпочтениях и мнениях, могут поменять их на прямо противоположные и перейти в стан интеллектуальных противников [18].

Таким образом, можно прийти к выводу, что субъект, возглавляющий научно-исследовательский процесс, отличается сложной «археологией». И что примечательно, «существование просвечивает в этой археологии, как отмечает П. Рикер, – оно остается включенным в движение расшифровки, которое оно само порождает» [19].

Эти характеристики должны быть дополнены штрихами, проявившимися в условиях осуществления научно-исследовательской деятельности нашего современника – отечественного ученого. Для современного ученого свойственны глубокие переживания кризиса эпохи. Тенденцией индивидуальной трансформации современного ученого является смещение стереотипов поведения и мировосприятия. Зачастую нелегко заключить что-то определенное не только о типичном облике современного ученого, но и о его типичном образе действия, т.е. идентифицировать индивида с учетом социально-ролевых стереотипов восприятия. Традиционно к достоинствам ученого относили его объективность, логичность, отрешенность от повседневности, толерантность и космополитизм, антидогматизм, неприязнь грубой силы. Не скрывались враждебные настроения к чиновникам, карьеристам, бюрократам, зачастую к правительству и к оппонентам, абсолютизировался критицизм. Ученый всегда претендовал на наличие свободного, «незаорганизованного» пространства мысли, на собственную нишу уникальности и исключительности. Ему был свойственен отказ от копирования, подражания, критическое и диалогическое отношение к себе. Регистр этического и значимость этической позиции занимали всегда ведущее место в отечественной философии науки.

Примечательно, что уникальной особенностью ментальности становилось сочленение этических и просветительских позиций. В авторском сознании ученого полемическая, этическая и гражданственная коммуникация были слиты воедино. Сложность конфигураций «Я-ученого» возникала при столкновении научной бескомпромиссности и той или иной, быть может, унаследованной с детства духовно-

религиозной мировоззренческой ориентации. Здесь личная память, сохраняя за собой автономию, отступала на периферию перед доводами научной логики. Так, например, Э. Шредингер, заканчивая свое выдающееся произведение: «Что такое жизнь с точки зрения физики?» – воздавал хвалу всевышнему. Отметим, что лишь при завершении труда, на всем протяжении которого доминировала научная логика. Однако, тем самым обнажалась уникальная ситуация, состоящая в том, что религиозное мировосприятие присутствовало и подспудно сопровождало весь процесс научного поиска.

В обыденном, повседневном восприятии типичного образа ученого сложилось представление о вечной рассеянности, некоторой безалаберности и лени ученого. Существует устойчивое представление о том, что выдающиеся ученые испытывают большие сложности в повседневной жизни, они не рациональны, нуждаются в опеке и, как говорится, «не от мира сего». Современный ученый, как правило, объективно безволен и принципиально непрактичен. Это усталый человек, готовый к многообразной, личностно психологизированной системе аргументации. Он склонен также к излишней горячности и непредсказуемости в отношении эмоционального проявления личных реакций. Иногда фиксируется своеобразный моральный релятивизм, обусловленный разделением «на своих и чужих», «на мы и они». Индивидуальные трансформации данного типа ученого связаны с заниженными оценками профессионального статуса, а вследствие этого, и с размыванием параметров индивидуального профессионализма.

В настоящий период вряд ли можно говорить о какой-либо стойкой формообразующей модели ученого. Размыт его классический образ, не принят и не отлился в форму иной – неклассический. Ученый вынужден менять свою социальную траекторию, заботиться о вписанности в существующие социальные структуры, разворачиваться от объективности в сторону конформизма, приспособленчества, адаптироваться к рыночным обстоятельствам, что, по логике вещей, всегда было чуждо интеллекту и критическому разуму. Однако требования социального выживания диктуют свои правила дозволенного. Акцент с плоскости эпохальной озабоченности судьбами человечества смещается в сторону озабоченности индивидуальной неустроенностью, неудовлетворительностью собственным социальным положением, бесперспективностью дальнейшей деятельности. Как говорят психологи, «монитор отклонения» жестко обуславливает жизненный мир ученого набором типичных стереотипов.

Социологи в свою очередь фиксируют, что подобное мироотношение передается «от учителя к ученикам». Индивидуальный аспект формирования ментальности ученого обнаруживает две составляющие. Во-первых, это «процесс бесконечного делания и обработки своего духовного «Я». А во-вторых, для того, чтобы осуществить свою миссию и передать плоды знания, ученые нуждаются в подготовленных учениках. Вместе с тем, «люмпенизация» студенческой массы ставит под вопрос эту вторую составляющую, качество процесса обучения. Социально-психологический тонус студенчества на фоне резкого расслоения, не соответствует как приоритетам образования, так и возрастным особенностям психологии молодежи. Происходит отказ от норм и ценностей, свойственных социокультурному коду. Гарантий автоматического воспроизводства типа личности ученого в смене последующих поколений нет.

Вместе с тем, представитель научного сообщества должен *самоидентифицировать* себя, различать свой социальный интерес, статус, типические отличия от представителей других социальных групп. М. Вебер отмечал, что именно через престиж групповой позиции возможно достичь монополии, единого стиля жизни [20].

Индивид, посвятивший свою жизнь науке, должен впитать в себя и постоянно реализовывать модели поведения, присущие именно данной социальной прослойке, миру ученых. Восприятие событий у него происходит с учетом интеллектуальной

составляющей, с учетом устоявшихся ценностно-нормативных регулятивов. Среди ученых выделяют теоретиков, экспериментаторов, прикладников, классификаторов, систематизаторов и пр. Вместе с тем, к миру ученых приложимы и такие, широко распространенные модели, как модель Прометея, Колумба, Сизифа. Прометеевская модель подчеркивает устремленность к поставленной цели, создание нового, важность науки и просвещения. «Прометеизм полагает, что человек – идеальный деятель, который достигает своих целей при помощи рациональных и строгих методов; причем якобы не существует расхождения между замыслом и результатом, между обещанием и делом. Вопрос о невыполнении теряет свой эмпирический смысл» [21].

Модель Сизифа фиксирует бесконечный процесс поисков и усилий, направленных на преобразование той или иной сферы. В ней нашли отражение и постоянный разрыв между замыслами и последствиями, и сложности достижения поставленной цели. Модель Колумба представляет собой вероятностную и открытую модель, включающую в себя возможность непредвиденных результатов и тех открытий, о которых ученый и не предполагал. Такой модельный подход очень важен, так как если анализируемый субъект может быть отнесен по характеристикам и особенностям своей деятельности к той или иной модели, то можно прогнозировать, какие приоритеты и принципы будут положены в основу его деятельности.

Выводы из области нейрофизиологии высшей нервной деятельности утверждают, что развитие левополушарных связей отвечает за логику, интеллект и однозначные, рационально ориентированные установки, характерные именно для ученых. Вместе с тем, это ведет к сужению всех других каналов мировосприятия. И когда ученые ссылаются на интуицию, ассоциации и метафоры, воображение и внезапные догадки, они стремятся вырваться за пределы жестких схем рациональности и аналитизма. Насколько развитая рациональность, отточенная логика способствуют развитию нравственности и этики? Это вопрос сложный, ведь последние питаются импульсом целостного постижения действительности во всем ее многообразии.

Когда известный французский математик, физик и методолог Ж. А. Пуанкаре провозглашал конвенциализм, который утверждал в качестве основы развития научных знаний соглашения между учеными, он мыслил универсально. Подобный конвенциализм может быть обращен и в сферу научного этоса. В этом случае статус этичности приобретает на основе конвенции, соглашения. Соглашения же, по мнению Ж.А. Пуанкаре, связаны соображениями удобства и простоты [22]. И это еще одна дополнительная проблема, обостряющая соотношение прагматизма и этики.

Во многом изменились протоколы, отчеты, свидетельствующие о состоянии внутреннего мира современного ученого по сравнению с ученым классического типа. Если ученый классического образца весьма осторожен в высказываниях на религиозную тему, то современный ученый не склонен камуфлировать свое отношение к духовности и религиозности, он может быть либо воинствующий атеист, либо человек, тяготеющий к религии. В контексте отечественной истории сложилась уникальная ситуация, когда с падением догм коммунистической идеологии, именно религия стала заполнять духовный вакуум. В этой ситуации основными источниками массовой религиозности стали не храм, проповедь, исповедь, духовная семинария или личное общение с представителями духовенства с их серьезным внутренним кодексом. В качестве источников религиозности в большинстве своем выступили красивые повествование о библейских сюжетах и обрядах в СМИ: на телевидении, радио, в прессе, газетных и журнальных материалах, в выступлениях писателей, публицистов, деятелей культуры. Усвоение религиозной тематики происходило на фоне современного состояния нравственности, в смысловом контексте светской культуры, вне всяких духовных обязательств, облегченно в смеси с многообразием других ориентаций и устремлений. Так преломленная религиозная традиция, вписанная в интерпретацию «на злобу дня», стала своеобразной питательной средой, заполняющей

образовавшийся духовный вакуум. Она привела к росту особой категории людей, считавших себя религиозными, без конфессиональной самоидентификации, не обременявших себя ни необходимостью теологических знаний, ни следованию канонам религиозного мироотношения, то есть «христиан вообще», «верующих вообще», независимо от стратегии и тактики их реального поведения в повседневности и от обязательств духовно-нравственного плана.

Если защищать статус этической компоненты как важной формообразующей составляющей ментальности ученого, то какова бы ни была реальная ломка и трансформации прослойки ученых, необходимо сохранение традиционных ценностей: объективность и профессионализм, честь и достоинство, долг и справедливость. В принципе каждый ученый должен соответствовать серьезному тесту на моральные качества, так как современная модель субъекта научно-исследовательской деятельности включает в себе подвижную архитектуру меняющихся установок. В ней присутствует выявленная амбивалентность реестра предпочтений и поведенческих реакций, дуальность в процессе принятия решений, формулировки оценок и мнений с учетом привходящих обстоятельств

Современное представление о научном этосе, не отменяя широкий спектр интерпретаций, указывает на укоренение морально-нравственных императивов, закрепленных как институционально, так и личностно. Для современной стадии развития науки важен не столько теоретический потенциал этоса, сколько содержащиеся в нем стимулы практического влияния. Уровень научной этики свидетельствует о здоровье социального организма в целом.

Список литературы

1. Новейший философский словарь. – Минск, 2001. - С. 1240.
2. Вопрос о методе / Автобиография. - М., 2001. – С. 147.
3. Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фатхи Т.Б. Философия для аспирантов. - Ростов-на-Дону, 2002. - С. 416.
4. Мертон Р. Амбивалентность ученого. - М., 1965. - С. 485.
5. Новая философская энциклопедия. Т. 5. – М., 2001. – С. 37.
6. Ницше Ф. Воля к власти. – М., 2003. – С. 398.
7. Мостовая И.В. Социальное расслоение в России: методология исследования. – Ростов-на-Дону, 1995. – С. 80-81.
8. Фромм Э. Иметь или быть. – М., 1986. – С. 88.
9. Новиков Н.В. Мираж «организованного общества». - М., 1974. – С. 202.
10. Менегетти А. Система и личность. - М., 1996. – С. 27.
11. Иерусалимский В. Социально-экономические аспекты положения интеллигенции в ФРГ // Рабочий класс и современный мир. – 1972. – №4. – С. 109.
12. Мансуров В.А., Семенова Л.А. Интеллигенция конвертируемых предприятий // Социс. – 1998. – №10. – С. 100.
13. Воронцова Л., Филатов С. Интеллигенция в постсоветском «капитализме» // Свободная мысль. – 1994. – № 5. – С. 51.
14. Микешина Л.А. Философия познания. – М., 2002. – С. 181.
15. Там же. – С. 124.
16. См.: Лешкевич Т.Г. Философия науки: традиции и новации. – М., 2001. – С. 95-96.
17. Холтон Дж. Что такое антинаука // Вопросы философии. – 1992. - № 2. – С. 127.
18. Гильберт Н., Маклей М. Открывая ящик пандоры. – М., 1980. – С. 9.
19. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995. – С. 33.
20. См.: Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 709-711.

21. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек. Энциклопедический словарь. - М., 1999. – С. 193.
22. Пункаре А. О науке. - М., 1990. – С. 356.

INSTITUTIONAL AND ANTHROPOLOGICAL BASIS OF SCIENCE ETHOS

M.D. Cherkashin¹⁾,

¹⁾Kursk State Politechnical University, 50 Oktyabrya, 94, Kursk, Russia, 305040;
e-mail: cherkashin2008@yandex.ru

The article deals with ethical problems of classical and non-classical science in its relation with institutional and anthropological basis of the scientific knowledge.

Key words: scientific ethos, classical and non-classical science, philosophical anthropology, sociocultural determination.